

**«ЛИТЕРАТУРА СОВЕТНИКОВ» И РОССИЙСКАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ:
АНТИМАКИАВЕЛЛИСТСКОЕ ВЛИЯНИЕ***

Константин Бугров

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“ADVISOR LITERATURE” AND RUSSIAN POLITICAL
THOUGHT IN THE ENLIGHTENMENT:
THE ANTI-MACHIAVELLIAN INFLUENCE**

Konstantin Bugrov

Institute of History and Archaeology of Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article studies the role of the anti-Machiavellian vision of politics in the development of political thought in westernising eighteenth-century Russia. The author disputes S. Whittaker’s idea that the images of good and bad monarchs in eighteenth-century Russian “advisor literature” (rooted in the tradition of “princely mirrors”) served as a kind of political programme which the ruler was to follow (i. e. imitate good models and avoid bad ones). In “advisor literature”, one can distinguish a descriptive component, which, using the image of ideal monarchs, consolidated the status quo in the minds of subjects, and “advice” proper, suggesting a situation with several competing solutions. This type of advice was available in various spheres of state administration, including the political life of the court itself. Tracing the transformation of the genre of “princely mirrors” in Europe

* Настоящая публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18–39–00110 «Антимакиавеллизм в российской политической мысли XVIII в.: переводы и адаптация».

** *Citation*: Bugrov, K. (2020). “Advisor Literature” and Russian Political Thought in the Enlightenment: The Anti-Machiavellian Influence. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1187–1202. DOI 10.15826/qr.2020.4.521.

Цитирование: Bugrov K. “Advisor Literature” and Russian Political Thought in the Enlightenment: The Anti-Machiavellian Influence // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1187–1202. DOI 10.15826/qr.2020.4.521 / Бугров К. «Литература советников» и российская политическая мысль века Просвещения: антимакиавеллистское влияние // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1187–1202. DOI 10.15826/qr.2020.4.521.

makes it possible to identify and understand the political implications in its Russian counterpart. Being challenged by Machiavelli, who replaced Christian ethics in politics with an immoral “state interest”, sixteenth- and seventeenth-century European intellectuals produced a set of anti-Machiavellian ideas to incorporate the Machiavellian idea of political efficiency into Christian morality, prove that the most effective system of behaviour was following the ethical norms of Christianity, and develop some practical guidelines for success at court. In the eighteenth century, a number of anti-Machiavellian writings from previous centuries were translated into Russian (circulated as manuscripts and published works) and were in demand among the intellectual elite. Therefore, researchers have to consider the anti-Machiavellian influence on Russian political culture in the Enlightenment, particularly in the development of ideas about the relationship between politics and morality and the status of politicians.

Keywords: anti-Machiavellianism; Machiavelli; monarchism; absolutism; westernisation; eighteenth-century Russia.

Статья посвящена роли антимачиавеллистского взгляда на политику в развитии политической мысли вестернизированной России XVIII в. Автор оспаривает идею современной исследовательницы С. Уиттакер о том, что изображения «хороших» и «плохих» монархов в российской «литературе советников» XVIII в. (восходящей к традиции «княжеских зеркал») служили своего рода политической программой, которой должен следовать правитель (подражать хорошим образцам, избегать плохих). В «литературе советников» можно выделить дескриптивную составляющую, с помощью образов идеальных монархов закреплявшую в сознании подданных status quo, и составляющую «совета» в собственном смысле, предполагающую ситуацию с несколькими возможными конкурирующими решениями. Такого рода советы могли вырабатываться в разных сферах государственного управления, в том числе и в сосредоточенной при дворе политической жизни. Выявить и понять эту тематику в российской «литературе советников» позволяет наблюдение за трансформацией жанра «княжеских зеркал» в Европе Нового времени. Под влиянием вызова со стороны Макиавелли, заменившего в политике христианскую этику аморальным «государственным интересом», в Европе XVI–XVII вв. сложился круг антимачиавеллистских идей, встраивавших макиавеллистское представление о политической эффективности в систему христианской морали, доказывавших, что наиболее эффективной системой поведения является следование этическим нормам христианства, и формировавших на данной основе практические руководства для жизни при дворе. В XVIII в. целый ряд сочинений антимачиавеллистов был переведен на русский язык, имел хождение в рукописях и изданиях, был востребован в среде российской интеллектуальной элиты. Поэтому представляется необходимым учитывать антимачиавеллистское влияние на отечественную политическую культуру века Просвещения в развитии представлений о связи между политикой и моралью, а также в формировании представлений о специфике статуса политика.

Ключевые слова: антимачиавеллизм; Н. Макиавелли; монархизм; абсолютизм; вестернизация; Россия XVIII в.

Американская исследовательница С. Уиттакер, анализируя российскую социально-политическую мысль XVIII в., предлагает оригинальную концепцию ее развития через понятие «литературы советников», в рамках которой отечественная элита того времени разрабатывала светскую легитимацию монарха как преобразователя, законодателя и «агента истории», а монархии – как наилучшей для общества формы правления. Истоки этого жанра можно проследить вплоть до античных текстов Исократы и Ксенофонта, в Средние века он оформился как традиция «княжеских зеркал», описывавших черты идеального государя при помощи авторитетных цитат из греко-римских авторов и отцов церкви, а также из исторических примеров [Forhan, ch. 2]. «Зеркала» говорили в основном о моральных качествах государей и об их мудрости, а не о правах и привилегиях [Blaydes, Grimmer, McQueen, p. 4].

Российская традиция, согласно Уиттакер, в основном описывала государей как правителей, избегающих преобразований и придерживающихся «старинны» [Whittaker, p. 31]. Переломным моментом стало царствование Петра I, который выступил в новом качестве деятельного царя-реформатора: в политической культуре XVIII столетия и Петр, и его наследники представляли как преобразователи, способные не только защищать страну и утверждать веру, но и созидать новое, трансформировать страну ради блага подданных. На протяжении XVIII в. «литература советников» в диалоге с властью вырабатывала все новые ролевые модели: Уиттакер полагает, что артикулированный в литературе образ хорошего монарха служил своего рода политической программой. Развивая диалог с элитой, российская монархия шаг за шагом двигалась от преобразующей монархии Петра к «законной монархии» Екатерины II, а от нее – к такой монархии, где закон стоит выше государя, к «конституционному порядку», в котором диалог власти и общества через литературу оказался бы заменен институциональным участием общества во власти. Способность российских мыслителей и литераторов публично артикулировать различие между хорошим монархом и тираном Уиттакер считает ключевой точкой на этом пути, ведущей от «княжеских зеркал» к конституции [Whittaker, p. 187–189]. Трактует оду как политическую программу и российская исследовательская традиция [Гуковский, с. 170–178; Абрамзон, Петров, с. 415].

Российская политическая мысль XVIII в. проводила различие между общим благом и корыстной политикой, уверенно формируя образ идеального правителя: за общее благо радуется мудрый монарх, и это ведет его к процветанию, корыстную политику проводит злой тиран, и это ведет его к гибели. Однако черты идеального монарха, которые охотно рисовали авторы многочисленных наставлений и панегириков, соответствовали практике государственного управления. Такого рода язык был предназначен для оправдания политического status quo, но не для разработки конкретных советов. Ведь долг за-

щищать обездоленных и способствовать процветанию – а именно так обычно описывали идеального правителя авторы от Я. П. Козельского и А. П. Сумарокова до Г. Р. Державина [Лаптева, с. 63–64] – не предполагал альтернативного мнения, которое бы обосновывало равнодушие по отношению к обездоленным и разорение подданных. Такая установка могла появиться на страницах «литературы советников» разве что в устах нарочито порочного и злобного человека, лишённого нравственного чувства. Образ добродетельного государя, появлявшийся на страницах «литературы советников», презентовал монарха таким, каким он должен был бы быть в целях легитимации [Whittaker, p. 85], но легитимация с помощью дескриптивного идеального образа предполагала не столько анализ, сколько внушение подданным уважения к социально-политическому status quo как к порядку, который наилучшим образом отвечает Божественному и естественному установлению, справедливости и блаженству.

«Литература советников» в строгом смысле – не иллюстративно-панегирическая, а аналитико-критическая, она была ориентирована на описание механизма и обоснование предлагаемого решения. В жанровом отношении она была многообразна – от докладных записок до журнальных статей. Как замечал один из «мозговых центров» империи А. И. Остерман: «К тому нет никакой причины, для чего бы мнения своего не сообщить другому, да то к порядочному и основательнейшему учреждению кажется еще и необходимо» [цит. по: Лыцова, с. 73]. Хорошо известна специфика «литературы советников» на разные темы¹ – внешняя политика, финансы и экономика, социальная политика, военная организация; эти вопросы изучаются сквозь призму истории права, истории государственного управления, истории политической мысли, военной истории. Надо, однако, подчеркнуть, что существовала в этом пространстве «литературы советников» еще и традиция советов об искусстве править людьми, связанная с традицией «княжеских зеркал», пережившая в XVI–XVII вв. важные изменения.

* * *

Трактат Н. Макиавелли «Государь» (1532) совершил своеобразный переворот в европейской социально-политической мысли, постулировав для правителя возможность преступить этические

¹ Литература по вопросу исчисляется десятками наименований, но мы отметим два примера последних лет – те, что показывают, насколько это широкое поле: с одной стороны, работу Я. А. Лазарева о переплетении риторических ухищрений малороссийской элиты, борющейся за дворянские привилегии, с попытками гетмана К. Г. Разумовского и его союзника канцлера М. И. Воронцова утвердиться в роли ведущих придворных-советников [Лазарев, с. 73, 79]; с другой – исследование С. В. Польского о том, как поиск секулярных аргументов в ходе дворцовых переворотов в России XVIII в. привел к складыванию новой рациональной культуры, в которой придворные начинали воспринимать себя «стацкими мужами» и политиками [Польской, с. 473].

нормы христианской морали (утверждавшиеся, в частности, всей предшествующей традицией «княжеских зеркал») ради политической эффективности, «государственного интереса». Этот аргумент стал большим вызовом для европейской политической культуры, а имя самого Макиавелли вскоре оказалось наряду с именами Гоббса и Спинозы одним из трех «запретных имен» политической теории Нового времени [Israel, p. 35]. Вновь возникшее интеллектуальное течение можно охарактеризовать (с долей условности) как *антимакиавеллизм*.

К предшественникам антимакиавеллистов можно отнести гуманистов XVI столетия, таких как Эразм Роттердамский, Х. Вивес или А. де Гевара, автор знаменитых «Часов государей» («Reloj de Principes», 1529), а также ряд других испанских и португальских политических мыслителей – С. де Тальяду, Б. Филипе, Ф. Фурио Серриоля [Di Salvo]. Все они проводили грань между истинным государем и тираном, разбирали обязанности государя по отношению к подданным, а также вырабатывали набор необходимых истинному монарху черт. Однако на фоне разгоравшихся религиозных войн и формирования современного государства с его гипертрофированным властным аппаратом в политической теории все большее значение получала тема «государственного интереса», которая ассоциировалась в первую очередь с Макиавелли. Видный исследователь темы Р. Берли называет эту интеллектуальную традицию антимакиавеллистской, хотя возможны и другие именованья – так, О. Э. Новикова полагает, что литературу, посвященную проблеме «государственного интереса», можно называть постмакиавеллистской [Новикова, с. 268]. Сам Берли хотя и старался придерживаться узкого фокуса в изучении антимакиавеллистов (отобрав в конечном счете для своего анализа лишь шесть авторов XVI–XVII вв. – Дж. Ботеро, Ю. Липсия, П. де Рибаденейру, А. Контцена, К. Скрибани, Д. Сааведра Фахардо), все же рассуждал и о более широкой традиции: «Характерной чертой антимакиавеллистской традиции было стремление встретить Макиавелли на его собственных позициях, то есть в сфере практики. Его повестка, как доказывали антимакиавеллисты, вовсе не сохраняла, а разрушала государство... Их намерением было показать, каким образом правитель, действующий в соответствии с жесткими христианскими принципами, способен создать могучее государство и быть успешным политически» [Bireley, p. 27]. Основной массив антимакиавеллистских работ на рубеже XVI–XVII вв. создали авторы из католических стран – Испании, Италии, южных областей Германии и Нидерландов. Это трактаты Дж. Ботеро, А. Поссевино, П. де Рибаденейры и ряда других авторов; в те же годы работу «Политика» («Politicorum», 1589) издал нидерландский философ Ю. Липсий, которого тоже обычно относят к числу антимакиавеллистов. На протяжении 1-й половины XVII в. эту традицию углубляли и развивали различные авто-

ры², в том числе Ф. де Кеведо, А. Контцен, К. Скрибани, Т. Боцио ди Губбио и многие другие; завершение этого периода связано с сочинениями Д. Сааведры Фахардо «Политические наставления. Идея политико-христианского государя» («Empresas Políticas. Idea de un príncipe político cristiano», 1640) и Б. Грасиана-и-Моралеса «Герой» («El heroe», 1630).

Как подчеркивает Кв. Скиннер, дебаты подогревались острым религиозным противостоянием. В противовес Макиавелли, подменявшему мораль переменчивым «государственным интересом», католические богословы-томисты утверждали, что сообщество людей основано на рационально познаваемом естественном праве и что легитимной является только власть, основанная на согласии подданных [Skinner, p. 138–143, 163–164]. Вскоре, однако, они обнаружили, что данный тезис действует только на тех, кто и так уже разделяет концепцию естественного права, и принялись атаковать Макиавелли, используя его же собственный категориальный аппарат [Vilar]. По этой причине антимаккиавеллистские наставления конца XVI–XVII вв. постулировали приоритет государственного интереса, одновременно стараясь христианизировать его с опорой на моральные максимы отцов церкви и античных мудрецов, на цицероновское уравнивание *полезного и нравственно прекрасного* [Howard].

К примеру, Ботеро опровергает утверждение Макиавелли о том, что казаться религиозным выгоднее, чем быть таковым: поскольку нельзя долгое время убедительно притворяться, правителю все-таки выгоднее *быть* религиозным, а не *казаться* таковым [Мархинин, с. 85]. Ботеро «критикует не столько безнравственность Макиавелли, сколько политическую неэффективность его рецептов» [Иванова, с. 92]. Однако, признавая важнейшими добродетелями государя умеренность и благоразумие, он с помощью понятия «государственный интерес» все же обосновывает закономерность исключений из следования моральному порядку ради сохранения государства. Сходной стратегии придерживался и другой влиятельный автор данного круга Ю. Липсий [Новикова, с. 269–270], чья «Политика» была тесно связана с традицией «княжеских зеркал» [Van Gelderen, p. 210].

К рубежу XVII–XVIII вв. на смену «княжеским зеркалам» пришли руководства для придворных, преобразовавшие христианизированный *государственный интерес* антимаккиавеллистских трактатов в практическое руководство для политиков о *собственном интересе*,

² Завершение гражданских войн во Франции и консолидация монархии при Людовике XIII привели к тому, что Макиавелли начал играть новую роль – из мишени для критиков правительства он превратился в центральную фигуру политической пропаганды со стороны короны. В этом духе писали публицисты, близкие к Ришелье, – Ж. Гез де Бальзак, Ж. де Сильон и Ф. де Бетюн, а Г. Ноде, библиотекарь всесильного кардинала, даже создал трактат «Политические рассуждения о государственных переворотах» (Considerations politiques sur les coups d'état», 1639), в котором развивал идеи Макиавелли об автономии политики от морали [Klerk, p. 31]. Однако при Людовике XIV подобного рода сочинения оказались вытеснены панегирической литературой.

персональной политической успешности [Soll, p. 51–52]. Важнейшим посредником выступал популярный в Европе XVI–XVII вв. Тацит: критикуя жестокости тирании, тацитизм «фокусировал внимание на отношениях придворных, сенаторов и других аристократов с ревнивым и бдительным государем, применяя вполне макиавеллистский режим описания жестокого и опасного политического мира, который был частью универсальной структуры власти» [Россок, р. 351]. Среди наиболее популярных наставлений такого рода был знаменитый «Карманный оракул» («*Oraculo manual*», 1647) уже упомянутого Б. Грасиана-и-Моралеса. Не меньшее значение имел и жанр политического романа, ярчайшим примером которого стали «Приключения Телемака» («*Les aventures de Telemaque*», 1699) Ф. Фенелона, опять-таки опиравшегося на антимакиавеллистскую традицию. Уже в XVIII в. прусский король Фридрих II написал (при деятельном участии Вольтера) своего рода итоговую антимакиавеллистскую работу европейского Нового времени – трактат «Анти-Макиавелли» («*Anti-Machiavel*», 1740).

«Зерцала», предназначенные для легитимации власти государей, постепенно превратились в наставления по управлению «государственным интересом» в свете христианской морали, а затем и в руководства по практике придворной жизни, весьма востребованные в среде элит государства Нового времени. Объединяющим элементом выступало не доктринальное единство, а фокус на проблеме гармонизации «государственного интереса» (который мог представлять также как личный интерес придворного, втянутого в систему жесткой конкуренции и борьбы) и этической христианской добродетели.

В XVIII в. антимакиавеллистский интеллектуальный арсенал, наработанный за полтора столетия европейскими мыслителями, оказался доступен российской публике. Самого Макиавелли в России XVIII в. не издавали, хотя в среде придворно-административной элиты имели хождение как его рукописные переводы, так и тексты, изданные на разных европейских языках [Юсим]. Это не мешало его зловещей репутации циничного и коварного советника тиранов. Российская публика могла знакомиться с текстами античных авторов, византийскими наставлениями Агапита и императора Василия Македонянина. Сочинения гуманистов XVI в. Эразма Роттердамского, Х. Вивеса, А. де Гевары имели хождение как в рукописях, так и в печати. В частности, русский перевод «Часов государей» Гевары появлялся в отрывках на страницах журналов «Доброе намерение», «Праздное время в пользу употребленное» и «Полезное увеселение» в 1759–1764 гг., эти отрывки позднее были изданы отдельными сборниками в 1786 и 1789 гг. [Рак, с. 16–17], при этом в 1773–1780 гг. сочинение Гевары было издано и полностью. Трактаты Дж. Ботеро, П. де Рибаденейры и Ю. Липсия переводились на русский, но не издавались печатным способом, имея хождение в рукописях. Наконец, «Карманный оракул» Б. Грасиана издавался на русском языке триж-

ды³; в 1792 г. в печати появилась также его антимакиавеллистская поэма «Герой» («El Heroe», 1637). Кроме того, антимакиавеллистские труды достаточно широко были представлены в рукописях⁴. Из «классиков» антимакиавеллизма, перечисляемых в работе Р. Берли, на русский не переводились только А. Контцен и К. Скрибани.

Еще более популярными в России были наставления для придворных. Так, хождение в рукописях имел анонимный «Breviarium politicorum», приписывавшийся авторству знаменитого француз-

³ Перевод «Oraculo manual» (1647) был выполнен в 1742 г. С. С. Волчковым, который использовал французский текст; французский перевод, в свою очередь, был выполнен А. де ла Уссе и получил название «L'homme de court», которое воспроизвел и Волчков («Придворный человек»).

⁴ «Empresas politicas» Д. Сааведры Фахардо переводились на русский язык дважды, но оба раза осталось в рукописи; переводы этой книги были представлены в библиотеках Петра I [Мурзанова, Боброва, Петров] и Д. М. Голицына [Градова, Клосс, Корецкий], в коллекции Александрo-Невской лавры [Родосский, с. 363]. Интересно, что в 1738 г. Г. Амазаспян издал в Венеции перевод этого трактата Фахардо на армянский язык [Арамян]. «Политика» Ю. Липсия, насколько мы знаем, не переводилась на русский язык, зато другое его сочинение, «Увещения и приклады политические» («Monita et exempla politica», 1605), было распространено в России 1-й половины XVIII в. в рукописных переводах – оно находится в составе собрания Синода [Протасьева, с. 57], в библиотеках Д. М. Голицына и А. П. Волынского. Было известно в России и сочинение П. де Рибаденеиры «Трактат о религии и добродетелях» (1595), рукописный перевод которого имеется в фондах РГАДА [Бугров, Киселев, с. 318–319]. Крупнейшая и наиболее хорошо изученная библиотека политической литературы России 1-й половины XVIII в. – книжное собрание Д. М. Голицына – была настоящим хранилищем антимакиавеллистских текстов. Здесь присутствовали русские переводы Ботеро, Липсия, Сааведры Фахардо, а также «De imperio virtutis sive imperia a veris virtutibus non a simulatis debent» (1593) Т. Боцио ди Губбио; эта книга, впрочем, переведена на русский не была [Юсим, с. 325]. Любопытно, что в голицынской библиотеке имелся и труд последовательного макиавеллиста А. Клапмари «О тайнах вещей посполитых» («De arcanis rerum publicarum», 1605), оказавший сильное влияние на крупнейшего последователя Макиавелли в XVII в. Г. Нодэ [Soll, p. 48–49]. Библиотека Стефана (Яворского) включала латинские тексты Ботеро, Липсия (№ 537), Беллармина (№ 470), Сааведры Фахардо (№ 547). Также тут отмечен Макиавелли как автор сочинения «Utrum licet tyrannis rebellare?» – возможно, фрагмента классического сочинения традиции монархомахов «Vindiciae contra tyrannos» (1579) [Lewitter, p. 502]. Каталог библиотеки кабинет-секретаря И. Эйхлера, члена кружка А. П. Волынского, вовсе не фиксирует книг антимакиавеллистской традиции, кроме Фенелона и книги итальянского юриста Ф. Паччиани «Об искусстве хорошего управления народом» («Dell'arte di governare bene i popoli», 1607), близкого к ней [Фундаминский]. В библиотеке Я. В. Брюса присутствовали английский перевод трактата упомянутого уже макиавеллиста Нодэ («Political considerations upon Refin'd Politicks», 1711), а также французский перевод Грасиана, выполненный А. де ла Уссе под заглавием «L'homme de cour» [Савельева, с. 115], и нидерландские переводы антимакиавеллистских сочинений Ф. де Кеведо «Vida de Marco Bruto» (1644) [Савельева, с. 181] и А. де Рогана «Le parfait capitaine» (1631); последнее имелось также и на немецком. «L'homme de cour» имелся и в библиотеке А. Ф. Хрущева [Пореш, с. 266]. Германские антимакиавеллисты – такие как Контцен или Конринг – отсутствуют в известных нам рукописях; интересно при этом, что русский перевод «Politicorum» Контцена имелся в библиотеке московских царей XVI в. [Белокуров]. В книжных списках встречаются близкие к ним политические авторы XVII столетия [Weber, p. 123–126], например Б. Целларий, чья работа «Политика нравоучительная» («Politica succincta», 1621) имелась в собрании Голицына (ОР Q.П.71), ученик Липсия и поклонник Контцена Н. Вернулей [Bireley, p. 161], польский антимакиавеллист А. Фредро, а также И. Фельвингер.

ского министра Дж. Мазарини и подражавший «*Oraculo manual*» Грасиана [Snyder, p. 148–152]⁵. Другое сочинение подобного рода – опять-таки «близкая по своему характеру» к «*Oraculo manual*» [Баренбаум, с. 90] книга «Истинная политика знатных и благородных особ» («*La veritable politique des personnes de qualite*», 1692) авторства французского писателя Н. Ремона де Кура – была переведена В. К. Тредиаковским и четырежды переиздавалась на протяжении XVIII в. Целый ряд наставлений для придворных имеется и в библиотеке А. Д. Меншикова [Саверкина, Сомов, с. 206–208].

Наиболее же популярным среди авторов, которых можно отнести к антимакиавеллистской традиции, был Ф. Фенелон. Труды Фенелона на русском, французском и иных языках, рукописные и печатные, присутствовали в библиотеках Я. В. Брюса, Д. М. Голицына, А. Ф. Хрущова, М. В. Ломоносова [Коровин], Паниных, да и вообще практически во всех библиотеках⁶. Кроме того, во 2-й половине XVIII в. большой популярностью пользовался Фридрих II, чей «*Анти-Макиавелли*» вышел отдельным русским изданием в переводе Я. Хорошкевича в 1779 г.

Проблематика, которая волновала антимакиавеллистов, вызывала у творцов отечественной «литературы советников» определенный интерес, поскольку дать политический совет и означало оценить государственную деятельность в свете моральных принципов христианства. К этой проблематике обращались церковные авторы – от Феофана (Прокоповича) до выдающихся ораторов екатерининской эры Гавриила (Петрова) и Платона (Левшина). Медленнее в процесс втягивалась светская государственная элита: хотя российские придворные читали «*Политическое завещание*» Ришелье, «*Breviarium politicorum*» или «*Карманный оракул*», они не торопились сами отметить в данном жанре. «*Духовная*» В. Н. Татищева, которая по содержанию и форме вполне может считаться антимакиавеллистским наставлением придворному, ходила только в рукописи. Во 2-й половине XVIII в. статус политика и политической деятельности рассматривается и раскрывается в сериях биографических и поучительных текстов, включая компиляции из иностранных текстов и того же Грасиана; в обобщающих философских эссе и трактатах – например, авторства Я. П. Козельского, А. П. Сумарокова, М. М. Щербатова; в политических романах и политической же драматургии – от «*Хорева*» (1747) А. П. Сумарокова до «*Вадима Новгородского*» (1793)

⁵ Оно присутствует в собраниях РГБ и в РНБ – книга имелась в собрании Д. М. Голицына [Градова, Клосс, Корецкий].

⁶ Сюда следует добавить близкого к Фенелону К. Флери: хотя его антимакиавеллистская работа не выходила на русском, перевод другого его сочинения «*О выборе и способе учения*» («*Livre Traité du choix et de la méthode des études*», 1687) был издан на русском в 1796 г. и содержал главы, посвященные политике [Киселев]. Русские переводы Флери были доступны и в рукописях: так, в собрании Санкт-Петербургской духовной академии имелся «*Grand catechism historique*» (1679), переведенный в 1751 г. архимандритом Иоасафом (Хотунцевским) под названием «*Катехизм исторический*» (1751) [Родосский, с. 120].

Я. Б. Княжнина. Подчеркнем два важных момента, связанные с проблематизацией политического в России века Просвещения.

Во-первых, это проблема отношений между государственным интересом и христианской моралью. Феофан (Прокопович) в «Слове в день вшествия на всероссийский престол императрицы Анны Иоанновны» (1733) провозглашал, что короны раздает Бог, и яростно критиковал «печальный мрак и туман сумозбродных мозгов, которым мнится, или паче снится, будто бы верховная власть на вещественной только силе основанна стоит» [Феофан Прокопович, с. 3]. Спустя 30 лет, в 1762 г., екатерининские приближенные, доказывавшие в «Обстоятельном манифесте» право новой императрицы на трон, мастерски комбинировали аналитические соображения о «государственном интересе» с моралистским анализом, предполагавшим, что в борьбе за власть Екатерине понадобились не искусство политика, а жертвенность и упование на Бога [Манифесты, с. 219–221]⁷. Еще 30 лет спустя М. М. Херасков, рассуждая на страницах политического романа «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) о политических злоключениях «плавучего острова» Терзит, описывал ужасы анархии и гражданской войны, которые обрушились на остров из-за смерти государя и перехода власти к алчным политикам-республиканцам (намек на Французскую революцию), и показывал, как стараниями Полидора и нового царя Орзана на острове возрождается Божественный естественный морально обоснованный порядок – отеческая монаршая власть. И хотя для прекращения кровопролития приходится применить Божественный дар (волшебный щит), Орзан показывает себя не только добрым и любящим подданных монархом, но и искусным правителем, ловко манипулирующим их аффектами [Херасков, с. 78–80]. Конечно, часть российских авторов продолжала мыслить властное поле в категориях духовного возрождения [Приказчиков, 2018, с. 724].

Во-вторых, это проблема статуса политика и политической деятельности. Критический взгляд советника-аналитика мог разрушать то, что создавал панегирист – так «работающий над своими записками в конце 60-х – начале 70-х годов Шаховской не побоялся одним из первых разрушить блестящий гинекратический миф о “дщери Петровой”, созданный поэтическим талантом М. Ломоносова»

⁷ Можно полагать, что макиавеллистским аргументом в ситуации 1762 г. было бы признание Петра III необходимой жертвой «государственного интереса», которую более энергичный претендент на престол принес не колеблясь (интересно, что именно такой устрашающий аргумент был выдвинут в приписываемом Екатерине II трактате «Антидот», вышедшем на французском языке анонимно в 1770 г.), тогда как последовательный антимаккиавелизм трактовал бы бескровное разрешение кризиса как результат искусства Екатерины, соединившей свои выдающиеся политические качества с моральным совершенством. В этой логике и выдержано повествование манифеста о перевороте, несмотря на введение в текст Провидения как действующей силы: жертвенная стратегия Екатерины, бывшая морально обоснованной, оказалась и практически успешной, одновременно наилучшим образом соответствуя государственному интересу.

[Приказчикова, 2019, с. 123]. Конечно, критический анализ мог оказаться небезопасным делом для самого советника. Иллюстрацией служит неудачная попытка кабинет-министра А. П. Волинского выступить в роли советника-антимакивеллиста при императрице Анне Иоанновне. По мнению К. Осповата, попытка Волинского публично заговорить о политике столкнулась с пониманием политики как *arcana imperii*, разглашение которой является вредным для государства и по этой причине заслуживает жестокой кары [Осповат]. Не случайно Екатерина II, снабжая текст «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева язвительными заметками, идентифицировала главу «Спасская полость» (повествующую об ослеплении государя и неспособности его править) как антимакиавеллистское риторическое ухищрение оскорбленного придворного, возможно, желавшего быть советником: «Довольно доказывают намерение, для чего вся книга написана, подвиг же сочинителя, об заклад бится можно, по которому он ее надписал, есть тот, для чего вход не имеет в чертоги; можно быть, что имел когда ни на есть: а ныне не имея, быв с дурным и следовательно, с неблагодарным сердцем, подвизается пером... Но оробел наш враль, ежели ближе царя был, он бы инако запел» [цит. по: Бабкин, с. 157]. Сакрализованная власть постоянно грозила обернуться к советникам и сановникам своей «сверхчеловеческой» стороной, пусть даже речь шла не о реальном, а о символическом ее перераспределении.

Изучения в отечественной политической истории достойны не только политические программы, конфигурации властных институтов и реформы, на которые обычно обращено внимание исследователей. Заслуживает внимания и сам статус политика, его трансформации в зависимости от времени и контекста; придворная политика, к примеру, отличается от парламентской. Подобный анализ с неизбежностью должен задействовать интеллектуальный инструментарий, связанный не только с Макиавелли, но и с поколениями мыслителей, старавшихся «приручить» опасные мысли великого флорентийца.

Список литературы

Абрамзон Т., Петров А. Одические версии «общественного договора» в России XVIII в. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233.

Арамян А. Г. Габриел Амазаспян – переводчик «Золотой книги Марка Аврелия» (XVIII в.) // *Իրարժր Հասարակական Գիտությունների* [Вестник общественных наук]. 2016. № 3. Р. 216–225.

Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 358 с.

Баренбаум И. Е. Издание французской переводной книги в России во второй четверти XVIII в. // *Книга в России до середины XIX века*. Л. : Наука, 1978. С. 87–95.

Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М. : Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898. XVI, 336, DXXXVIII с.

Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель : Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : Университет. изд-во, 2016. 480 с.

Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М. : Наука, 1979. С. 238–253.

Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1936. 236 с.

Иванова Ю. В. Инверсия этико-риторической аргументации и рождение *gagione di stato* // Рацио.ru. 2012. № 7. С. 86–94.

Киселев М. А. Гоббс как знаковая фигура в российских политических текстах XVIII – начала XIX века // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2018. № 3 (27). С. 107–120. DOI 10.32516/2303-9922.2018.27.10.

Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова : материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 491 с.

Лазарев Я. А. Место украинской казацкой элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг. // Вопр. истории. 2017. № 3. С. 70–85.

Лантева Ю. В. Образ идеального монарха в представлении дворянских мыслителей второй половины XVIII века // Российское общество: история и современность : сб. науч. работ студентов и аспирантов. Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2011. Вып. 5. С. 61–66.

Лыцова А. С. «Для суще постоянного, безопасного и благополучного... нашего Отечества пребывания»: поиск путей решения кризиса престолонаследия в России в 1741 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. С. 64–81. DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.105.

Манифесты по поводу восшествия на престол императрицы Екатерины II // Осмнадцатый век. М. : Тип. Т. Рис, 1869. С. 216–224.

Мархинин В. В. Политическая философия Джованни Ботеро: моральная эмансипация политики и (анти)макиавеллизм // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 1 (35). С. 84–88.

Мурзанова М. Н., Боброва Е. И., Петров В. А. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 483 с.

Новикова О. Э. Политика и этика в эпоху религиозных войн : Юст Липсий (1547–1606). М. : РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2005. 395 с.

Польской С. В. «Истязание по натуральной правде» : Легитимация насилия и становление рационального политического языка в России XVIII века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 409–484.

Пореи В. Ю. Библиотека А. Ф. Хруцова (собрание преимущественно французских книг) // Книга в России до середины XIX века. Л. : Наука, 1976. С. 260–267.

Приказчикова Е. «Духовный рыцарь» И. Лопухин: диалог с властью и совестью // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 3. С. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323.

Приказчикова Е. Е. Изображение монархов в русской мемуарной литературе XVIII века: в поисках образа идеального правителя // Гуманитарный вектор. 2019. № 5. С. 119–128. DOI 10.21209/1996-7853-2019-14-5-119-128.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 2. М. : [Б. и.], 1973. 163 с.

Рак В. Д. «Часы правителей» в русских переводах XVIII в. // Сервантесовские чтения. Л. : Наука, 1985. С. 15–19.

Родосский А. С. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб. : Тип. Башкова, 1893. 427 с.

Савельева Е. А. Библиотека Я. В. Брюса : каталог. Л. : БАН СССР, 1989. 409 с.

Саверкина И. В., Сомов В. А. Реестр книг А. Д. Меншикова // Труды С.-Петербург. гос. ин-та культуры. Вып. 5. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ин-та культуры и искусств, 2010. С. 197–214.

Фундаминский М. И. Библиотека кабинет-секретаря И. Эйхлера // Книжное дело в России в XVI–XIX веках. Л. : БАН СССР, 1980. С. 43–65.

Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии : в 3 ч. М. : Тип. И. Зеленникова, 1794. Ч. 2. 376 с.

Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. 668 с.

Bireley R. The Counter-Reformation Prince. Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe. Chapel Hill : L. : Univ. of Chapel Hill Press, 1990. 309 p.

Blaydes L., Grimmer J., McQueen A. Mirrors for Princes and Sultans: Advice on the Art of Governance in the Medieval Christian and Islamic Worlds // J. of Politics. 2018. № 4. P. 1150–1167. DOI 10.1086/699246.

Di Salvo A. Spanish Guides to Princes and the Political Theories in Don Quijote // Cervantes : Bulletin of the Cervantes Society of America. Vol. 9. 1989. № 2. P. 43–60.

Forhan K. The Political Theory of Cristine de Pisan. Aldershot : Burlington : Ashgate, 2002. 187 p.

Howard K. The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment // LATCH: A J. for the Study of the Literary Artifact in Theory, Culture or History. Vol. 5. 2012. P. 106–119.

Israel R. Enlightenment Contested. Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2006. 983 p.

Klerk M. Reason of State and Predatory Monarchy in the Dutch Republic, 1638–1675 : The Legacy of the Duc de Rohan : Doctoral Thesis. Rotterdam : [S. n.], 2016. VII, 223 p.

Lewitter L. R. Peter the Great, Poland, and the Westernization of Russia // J. of the History of Ideas. 1958. № 4. P. 493–506.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton : Princeton Univ. Press, 1975. 602 p.

Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought : 2 Vols. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1978. Vol. 2. 414 p.

Snyder J. Dissimulation and the Culture of Secrecy in Early Modern Europe. Berkeley ; Los Angeles ; L. : Univ. of California Press, 2009. 312 p.

Soll J. The Reception of The Prince 1513–1700, or Why We Understand Machiavelli the Way We Do // Social Research. Vol. 81. 2014. № 1. P. 31–60. DOI 10.1353/sor.2014.0006.

Van Gelderen M. The Machiavellian Moment and the Dutch Revolt: The Rise of Neostoicism and Dutch Republicanism // Machiavelli and Republicanism. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1990. P. 205–224.

Vilar M. Le teoria de la simulacion de Pedro de Ribadeneyra y el “maquiavelismo de los antimaquiavelicos” // Ingenium. Revista Electrónica de Pensamiento Moderno y Metodología en Historia de las Ideas. 2011. № 5. P. 133–165. DOI 10.5209/rev_INGE.2011.n5.36222.

References

Abramzon, T., Petrov, A. (2017). Odicheskie versii “obshchestvennogo dogovora” v Rossii XVIII v. [Odic Versions of the ‘Social Contract’ in 18th-Century Russia]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233.

Aramyan, A. G. (2016). Gabriel Amazaspyan – perevodchik “Zolotoi knigi Marka Avreliya” (XVIII v.) [Gabriel Amazaspyan – Translator of Marcus Aurelius’ Golden Book (18th Century)]. In *Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների* [Bulletin of Social Sciences]. No. 3, pp. 216–225.

Babkin, D. S. (1952). *Protsess A. N. Radishheva* [The Trial of A. N. Radishchev]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. 358 p.

Barenbaum, I. E. (1978). Izdanie frantsuzskoi perevodnoi knigi v Rossii vo vtoroi chetverti XVIII v. [Publication of Translated French Books in Russia in the Second Half of the 18th Century]. In *Kniga v Rossii do serediny XIX veka*. Leningrad, Nauka, pp. 87–95.

Belokurov, S. A. (1898). *O biblioteke moskovskikh gosudarei v XVI stoletii* [The Library of Moscow Princes in the 16th Century]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i A. Geschelya. XVI, 336, DXXVIII p.

Bireley, R. (1990). *The Counter-Reformation Prince. Anti-Machiavellianism or Catholic Statecraft in Early Modern Europe*. Chapel Hill, L., Univ. of Chapel Hill Press. 309 p.

Blaydes, L., Grimmer, J., McQueen, A. (2018). Mirrors for Princes and Sultans: Advice on the Art of Governance in the Medieval Christian and Islamic Worlds. In *J. of Politics*. No. 4, pp. 1150–1167. DOI 10.1086/699246.

Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. (2016). *Estestvennoe pravo i dobrodetel': integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kulturu XVIII veka* [Natural Law and Virtue: Integration of European Influence into the Russian Political Culture of the 18th Century]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Universitetskoe izdatel'stvo. 480p.

Di Salvo, A. (1989). Spanish Guides to Princes and the Political Theories in Don Quijote. In *Cervantes. Bulletin of the Cervantes Society of America*. Vol. 9. No. 2, pp. 43–60.

Forhan, K. (2002). *The Political Theory of Cristine de Pisan*. Aldershot, Burlington, Ashgate. 187 p.

Fundaminskii, M. I. (1980). Biblioteka kabinet-sekretarya I. Eikhlera [Library of Cabinet Secretary I. Eichler]. In *Knizhnoe delo v Rossii v XVI–XIX vekakh* [Book Business in Russia in the 16th–19th Centuries]. Leningrad, Biblioteka Akademii nauk SSSR, pp. 43–65.

Gradova, B. A., Kloss, B. M., Koretskii, V. I. (1979). K istorii Arkhangel'skoi biblioteki D. M. Golitsyna [On the History of the Arkhangel'sk Library of D. M. Golitsyn]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1978 god*. Moscow, Nauka, pp. 238–253.

Gukovskii, G. A. (1936). *Ocherki po istorii russkoi literatury XVIII veka. Dvoryanskaya fronda v literature 1750-kh – 1760-kh godov* [Essays on the History of Russian Literature of the 18th Century. The Noble Fronde in the Literature of the 1750s–1760s]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk. 236 p.

Howard, K. (2012). The Anti-Machiavellians of the Spanish Baroque: A Reassessment. In *LATCH : A Journal for the Study of the Literary Artifact in Theory, Culture or History*. Vol. 5, pp. 106–119.

Israel, R. (2006). *Enlightenment Contested. Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752*. Oxford, N. Y., Oxford Univ. Press. 983 p.

Ivanova, Yu. V. (2012). Inversiya etiko-ritoricheskoi argumentatsii i rozhdenie raggione di stato [Inversion of Ethical-rhetorical Argumentation and the Birth of raggione di stato]. In *Ratio.ru*. No. 7, pp. 86–94.

Kheraskov, M. M. (1794). *Polidor, syn Kadma i Garmonii v 3 ch.* [Polidor, Son of Cadmos and Harmony. 3 Parts]. Moscow, Tipografiya I. Zelennikova. Part 2. 376 p.

Kiselev, M. A. (2018). Gobbs kak znakovaya figura v rossiiskikh politicheskikh tekstakh XVIII – nachala XIX veka [Hobbes as a Symbolic Figure in Russian Political Texts in the 18th – Early 19th Centuries]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 3 (27), pp. 107–120. DOI 10.32516/2303-9922.2018.27.10.

Klerk, M. (2016). *Reason of State and Predatory Monarchy in the Dutch Republic, 1638–1675. The Legacy of the Duc de Rohan*. Doctoral Thesis. Rotterdam, S. n. VII, 223 p.

Korovin, G. M. (1961). *Biblioteka Lomonosova. Materialy dlya kharakteristiki literatury, ispol'zovannoi Lomonosovym v ego trudakh i katalog ego lichnoi biblioteki* [Lomonosov's Library. Materials for the Characterisation of Literature Used by Lomonosov in His Works and the Catalogue of His Personal Library]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 491 p.

Lapteva, Yu. V. (2011). Obraz ideal'nogo monarkha v predstavlenii dvoryanskikh myslitelei vtoroi poloviny XVIII veka [The Image of an Ideal Monarch in the Representation of Noble Thinkers of the Second Half of the 18th Century]. In *Rossiiskoe obshchestvo: istoriya i sovremennost'*. *Sbornik nauchnykh rabot studentov i aspirantov*. Yekaterinburg, Rossiiskii gosudarstvennyi professional'no-pedagogicheskii universitet. Iss. 5, pp. 61–66.

Lazarev, Ya. A. (2017). Mesto ukrainskoi kazatskoi elity v sostave rossiiskogo dvoryanstva v pervoi polovine 1760-kh gg. [The Place of the Ukrainian Cossack Elite in the Russian Nobility in the First Half of the 1760s]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 70–85.

Lewitter, L. R. (1958). Peter the Great, Poland, and the Westernization of Russia. In *J. of the History of Ideas*. No. 4, pp. 493–506.

Lystsova, A. S. (2017). “Dlya sushche postoyannogo, bezopasnogo i blagopoluchnogo... nashego Otechestva prebyvaniya”: poisk putei resheniya krizisa prestolonaslediya v Rossii v 1741 g. [“For a Truly Stable, Secure, and Prosperous... Fatherland”: The Search for a Resolution of the 1741 Succession Crisis in Russia]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 1, pp. 64–81. DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.105.

Manifesty po povodu vosshestviya na prestol imperatritsy Ekateriny II [Manifestos Regarding the Ascension of Catherine II to the Russian Throne] (1869). In *Osmnadsatyi vek*. Moscow, Typografiya T. Ris, pp. 216–224.

Markhinin, V. V. (2017). Politicheskaya filosofiya Dzhovanni Botero: moral'naya emansipatsiya politiki i (anti)makiavellizm [The Political Philosophy of Giovanni Botero: The Moral Emancipation of Politics and (Anti)-Machiavellianism]. In *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. No. 1 (35), pp. 84–88.

Murzanova, M. N., Bobrova, E. I., Petrov, V. A. (1956). *Istoricheskii ocherk i obzor fondov rukopisnogo otdela biblioteki Akademii nauk* [A Historical Account and Review of the Funds of the Department of Manuscripts of the Library of Academy of Sciences]. Iss. 1. XVIII vek. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 483 p.

Novikova, O. E. (2005). *Politika i etika v epokhu religioznykh voyn: Yust Lipsii (1547–1606)* [Politics and Ethics in the Age of Religious Wars: Justus Lipsius (1547–1606)]. Moscow, Rossiiskii khimiko-tekhnologicheskii universitet imeni D. I. Mendeleeva. 395 p.

Pocock, J. G. A. (1975). *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, Princeton Univ. Press. 602 p.

Polskoi, S. V. (2018). “Istyazanie po natural'noi pravde”: Legitimizatsiya nasiliya i stanovlenie ratsional'nogo politicheskogo yazyka v Rossii XVIII veka [“An Inquiry According to the Law of Nature”: Legitimation of Violence and the Emergence of the Rational Political Language in 18th-Century Russia]. In *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 409–484.

Poresh, V. Yu. (1976). Biblioteka A. V. Khrushchova (sobranie preimushchestvenno frantsuzskikh knig) [The Library of A. V. Khrushchov (Collection of Mainly French Books)]. In *Kniga v Rossii do serediny XIX veka*. Leningrad, Nauka, pp. 260–267.

Prikazchikova, E. E. (2019). Izobrazhenie monarkhov v russkoi memuarnoi literature XVIII veka: v poiskakh obraza ideal'nogo pravatelya [The Image of Monarchs in Russian Memoir Literature of the 18th Century: In Search of the Image of an Ideal Ruler]. In *Gumanitarnyi vector*. No. 5, pp. 119–128. DOI 10.21209/1996-7853-2019-14-5-119-128.

Prikazchikova, E. (2018). “Dukhovnyi rytsar” I. Lopukhin: dialog s vlast'yu i sovest'yu [Lopukhin, a “Spiritual Knight”: A Dialogue with Power and Conscience]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 3, pp. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323.

Protas'eva, T. N. (1973). *Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva)* [A Description of Manuscripts of the Synodal Collection (Not Included in the Description by A. V. Gorski and K. I. Nevostruev)]. Moscow, S. n. 163 p.

Rak, V. D. (1985). “Chasy pravitelei” v russkikh perevodakh XVIII v. [Reloj de Principes in Russian Translations of the 18th Century]. In *Servantesovskie chteniya*. Leningrad, Nauka, pp. 15–19.

Rodosskii, A. S. (1893). *Opisanie 432-kh rukopisei, prinadlezhashchikh S.-Peterburgskoi dukhovnoi akademii i sostavlyayushchih ee pervoe po vremeni sobranie* [Description of 432 Manuscripts of the St Petersburg Theological Academy, Constituting Its First Collection]. St Petersburg, Tipografiya Bashkova. 427 p.

Savel'eva, E. A. (1989). *Biblioteka Ya. V. Bryusa. Katalog* [Ya. V. Bryus' Library. Catalogue]. Leningrad, Biblioteka Akademii nauk SSSR. 409 p.

Saverkina, I. V., Somov V. A. (1988). Reestr knig A. D. Menshikova [Catalogue of the Books of A. D. Menshikov]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Iss. 5. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv, pp. 197–214.

Skinner, Q. (1978). *The Foundations of Modern Political Thought*. 2 Vols. Cambridge, Cambridge Univ. Press. Vol. 2. 414 p.

Snyder, J. (2009). *Dissimulation and the Culture of Secrecy in Early Modern Europe*. Berkeley, Los Angeles, L., Univ. of California Press. 312 p.

Soll, J. (2014). The Reception of the Prince 1513–1700, or Why We Understand Machiavelli the Way We Do. In *Social Research*. Vol. 81. No. 1, pp. 31–60. DOI 10.1353/sor.2014.0006.

Van Gelderen, M. (1990). The Machiavellian Moment and the Dutch Revolt: The Rise of Neostoicism and Dutch Republicanism. In *Machiavelli and Republicanism*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 205–224.

Vilar, M. (2011). Le teoría de la simulación de Pedro de Ribadeneyra y el “maquiavelismo de los antimaquiavelicos”. In *Ingenium. Revista Electrónica de Pensamiento Moderno y Metodología en Historia de las Ideas*. No. 5, pp. 133–165. DOI 10.5209/rev_INGE.2011.n5.36222.

Yusim, M. A. (2011). *Makiavelli. Moral, politika, fortuna. Etika Makiavelli. Makiavelli v Rossii* [Machiavelli. Morality, Politics, Fortune. Ethics of Machiavelli. Machiavelli in Russia]. Moscow, Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”. 668 p.

The article was submitted on 18.07.2019